

СОЦИОГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИИ

СИЛЛАСТЕ Галина Георгиевна — профессор социологии Российской академии управления, доктор философских наук, Президент Международной ассоциации «Женщины и развитие», Координатор Международного движения «Женщины мира — против наркотиков!». Постоянный автор нашего журнала.

Методология не в моде, но она необходима

Многие годы являюсь читателем и автором «Социс», чем и горжусь. Среди моих публикаций на страницах журнала назову статью под рубрикой «Дискуссии» — «Гендерные исследования: размышления участника международного семинара». Упоминаю об этой статье потому, что сами термины «гендерные исследования», «гендерные отношения» получили у нас известность и распространение недавно [1]. В их постановке и изучении российская социология отстала от зарубежной науки, хотя речь идет о долговременном и перспективном направлении социологического и социально-психологического знания. Одно из подтверждений: на очередном XIII Всемирном конгрессе социологов впервые будет работать секция «Гендерные отношения и социальные трансформации».

В гносеологическом плане понятие «гендер» происходит от греческого слова «генос» — происхождение, материальный носитель наследственности, рождающийся. Оно соответствует русскому понятию «род» (в английском языке — «gender» — род, опыт рода).

К нам термины «гендерные отношения», «гендерные исследования» пришли в начале 90-х годов из англо-американского феминизма. Это течение в женском движении на Западе в основу анализа взаимосвязей мужчин, женщин и среды кладет не опыт пола, а опыт рода, рассматривая женский социум в качестве части человечества. Причем, понятия «гендерные исследования», «феминистские исследования», «исследования по проблемам женщин» во многих случаях рассматриваются в западной социологии как близкие и даже идентичные по содержанию.

По моему убеждению, следует различать в методологическом плане два типа отношений: гендерные и социогендерные. Сторонникам первого из них присущ биопсихологический подход к отношениям между полами как двумя взаимосвязанными частями человеческого рода. Так, Н.Дж. Смелзер писал, что различия между мужчинами и женщинами «социологи исследуют на основе анализа четырех компонентов полового самосознания: биологического пола, гендерной идентичности, гендерных идеалов и сексуальных ролей» [2]. Именно специфические признаки пола, по мнению Смелзера, и определяют социальный статус мужчин и женщин в обществе.

Категорию «сексуальные роли» почти полвека назад подвергла аргументированной критике Маргарет Мид в своей книге «Пол и темперамент». На большом фактическом материале она показала, что женщины и мужчины все чаще в различных сферах общественной жизни выполняют различные обязанности, нередко прямо противоположные общепринятым стереотипам, считающимся естественными для каждого из полов [3].

Социальная практика во всех странах, включая Россию, показывает, особенно на протяжении последних десятилетий, что особенности полов играют все меньшую роль при решении вопросов занятости, профессионального самоопределения. Список закрытых для женщин профессий становится все более ограниченным, минимальным. Женщины, как и мужчины, в состоянии выдерживать не только высокие интел-

лектуальные и психологические, но и физические нагрузки, например, армейские. Разумеется, процесс эмансипации женщин значительно глубже, многостороннее, сложнее, чем просто достижение равного с мужчинами профессионального статуса.

Поэтому не могу согласиться с методологией западных сторонников концепции гендерных отношений (и их последователей в России), которые в своем анализе любых изменений в обществе исходят из приоритета биологической предрасположенности мужчин и женщин к определенным образцам поведения, из психо-биологических, физиологических особенностей полов. В итоге недооценивается влияние социальных факторов на формирование гражданской позиции женщины. Методологически в основе такой точки зрения лежит противоречивая смесь взглядов фрейдизма, бихевиоризма, психологизма, социологии малых групп.

Однако развитие общества как социетальной макросистемы, претерпевающей сложные социальные изменения, требует, на мой взгляд, как социолога, анализа прежде всего социогендерных отношений. Они возникают в ходе взаимодействия женщин как многочисленной социальной общности (53% населения России), как специфического социума, отличающегося конкретными демографическими характеристиками, многорольевыми функциями и определенным социальным статусом, с окружающей макро- (общество в целом или его отдельные сферы) и микро- (семья, коллектив) средой.

При таком подходе (разделяемом и традиционным, реалистическим феминизмом) определяют положение женщин не био-психологические, а социальные факторы. Что же касается теоретических аргументов в пользу пола (гендера), то, по мнению Х. Роуз — директора Вестйоркширского центра исследований по проблемам женщин, профессора университета Бредфорда, они «были выдвинуты феминистским пост-модернизмом, который в своей борьбе за контроль над языком рассматривает "женщину" не только как индивидуальность, но скорее как средоточие дискурсов. В отличие от этого феминистский реализм имеет меньше проблем со словом "женщина", он стремится представить женщину в специфической для нее обстановке, утверждает, что это дает шанс раскрыть серьезные социальные различия в положении прекрасного пола» [4].

Итак, существуют различия между понятиями «гендерные» и «социогендерные» отношения. Принято считать, отмечал И. Кант, что именно между двумя противоположными точками зрения лежит истина, в то время как на самом деле «между ними лежит проблема». И суть ее — в данном случае — в определении категорий «социогендерные отношения», «женский вопрос», «социальный статус» женщин.

Понятие «женский вопрос» по своему содержанию широкое. Оно охватывает социальное положение женщин во всех сферах общественной жизни, и, прежде всего, в экономике и политике, проблемы их дискриминации, организации действий в защиту своего правового и фактического равноправия.

Социологи за рубежом отдают предпочтение понятию «социальный статус» как интегративному показателю положения женщин во всех сферах жизнедеятельности, функционирования общества. Я разделяю эту точку зрения и считаю именно социальный (а не личностный, или профессиональный, или должностной) статус женщины предметом социогендерных исследований.

Было бы ошибкой противопоставлять гендерные и социогендерные отношения. С моей точки зрения, приоритетной для социолога является социальная сфера развития женщин как общности. Однако социальный анализ должен быть дополнен изучением демографических факторов и особенностей женской психологии. Иными словами, необходим комплексный социолого-психологический подход к социогендерным отношениям. Этот подход позволяет последовательно применять принцип социального детерминизма в исследовании взаимодействия женщин и общества, и в то же время учитывать влияние женской психологии на поступки, поведение, ориентации и ценностные установки женского населения (социума) как самостоятельного субъекта социальных, экономических, политических отношений.

Интерес для социолога, занимающегося социогендерными отношениями, представляет изучение массовой психологии женской общности. Она имеет свои особенности, сочетая (противоречиво и конфликтно) такие психологические и социально-психологические проявления, как инициатива и статичность; новаторство и консерватизм; активность и фатализм; стихийность и сознательность; эмансипация и дискриминация; индивидуализм и коллективизм; конформизм и агрессивность; эмоциональность и индифферентность. Этот подвижный, быстро меняющийся у женщин психологический фон, подвластный конъюнктурным общественным переменам, непременно должен учитываться при изучении социогендерных отношений.

В настоящей статье рассмотрены социогендерные отношения в политической жизни современной России. Такие проблемы как женщины и экономика, женщины и духовный кризис российского общества, нуждаются, по мнению автора, в отдельном, самостоятельном анализе.

«Женщины — это и есть политика»

Привожу слова не ученого, а известного государственного деятеля и дипломата Шарля Мориса Талейрана. Предвижу реплику возможного оппонента: «Образно, но ненаучно». А я убеждена в том, что меткая талейрановская фраза вскрывает очевидную объективную тенденцию к возрастанию роли женщин в политической жизни современного общества. Увы, в постперестроечной России события развиваются в прямо противоположном направлении.

Главный итог социальных трансформаций в России состоит в том, что фактически женщин лишили многих социальных завоеваний: резко понижен их социальный статус, которым они располагали в обществе до так называемой перестройки; общество пришло к социальной дискриминации женщин во всех сферах общественной жизни, причем, в таких формах и проявлениях, какие ранее россиянки и не знали. Фактическое положение женщин России является примером нарушения важнейших положений Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, принятой Генеральной ассамблеей ООН в 1979 г. и вступившей в силу в сентябре 1981 г.

К настоящему времени можно говорить о нарушении в России основных прав женщин на участие в политической жизни. Процесс демократизации для россиянок обернулся совершенно неожиданной ситуацией: они оказались фактически вытесненными из активной политической жизни, отчужденными от участия в принятии государственных решений. Исторический парадокс: переход к демократии, провозглашенный в России и странах Центральной и Восточной Европы, осуществляется в условиях дискриминации женщин, вытеснения их из политики на всех уровнях.

Если в доперестроечный период представительство женщин в руководящих партийных и государственных структурах составляло 30—33%, то в ходе «борьбы за демократию» их осталось в Верховном Совете России 5,4% (57 депутатов из 1 063), в Моссовете — 9,3%. Ныне из 88 регионов Российской Федерации лишь в 28 женщины представлены в руководстве, но не на первых ролях, а главным образом в качестве заместителей глав администраций по социальным вопросам. Две женщины в многочисленном правительстве РФ — Министр социальной защиты населения и руководитель Федеральной миграционной службы России. Наиболее ответственные правительственные посты — министров обороны, внутренних дел, иностранных дел — для женщин молчаливо, но наглухо закрыты.

Как цифры статистики, так и результаты социологических исследований показывают, что женщинам отводятся должности (в лучшем случае) второго, а, как правило, третьего плана, далекие от непосредственного участия в политике и связанные преимущественно с исполнительскими и техническими функциями. В чиновничьих аппаратах министерств и финансов женщины составляют 77%, министерства здравоохранения — 66%, комитета по политике цен — 72%. Среди нотариусов женщин — 95%, в коллегиях адвокатов — 40%. Небольшое число женщин на руково-

дящих постах в государственных органах свидетельствует, как отмечается в официальном правительственном документе, «о наличии элементов дискриминации по признаку пола» [5].

Участие женщин в законотворческой деятельности еще более ограничено, чем в политике. Если обратиться к непродолжительному опыту двух умерших насильственной смертью Верховных Советов — СССР и РСФСР, то две женщины являлись членами Президиума Верховного Совета России, немногие входили в состав его комиссий. Дальнейшее выдвижение женщин на ответственные посты осложнила ликвидация, после трагических событий октября 1993 г., органов советской власти в центре и на местах, на протяжении целого исторического периода выдвинувших тысячи и тысячи активисток на руководящих работу во всех звеньях партийно-государственного аппарата.

В результате коренных социальных трансформаций в России изменился социально-психологический настрой в женском социуме. Среди женщин усилились за два последних года чувства пессимизма (с 8 до 12%), растерянности (с 9 до 15%), неуверенности (с 24 до 31%); тревоги (с 39 до 46%). Оценили свое психологическое состояние как «душевный подъем» лишь 1,6% опрошенных российских горожанок, как оптимизм — 8% [6].

Таким образом, — и этот вывод принципиально важен для анализа социогендерных отношений, — ситуации, сложившейся в России в перестроечный и постперестроечный периоды присуще противоречие между теорией и практикой демократизации общества, предусматривающими предоставление женщинам России широких политических прав и свобод, реальную (а не словесную, формальную) ликвидацию дискриминации по признаку пола во всех сферах общественной жизни, — с одной стороны, и целенаправленным отчуждением женщин от политики, от власти, от участия в принятии политических решений и ответственности за их осуществление, — с другой.

Вот почему изучение эволюции политического статуса россиянок, достигшего самого низкого уровня за все последние 70 лет, является одним из первостепенных направлений социогендерных исследований. Их результаты дают нам основания утверждать, что изменилась (и продолжает свою негативную эволюцию) социальная диспозиция женской личности, т.е. ее жизненная позиция, ценностные ориентации, общая направленность интересов. Женщины вынуждены с большим трудом адаптироваться к новым политическим, социальным, духовным условиям, сложившимся в обществе, при этом видоизменяя не только общую направленность своего социального поведения, но и конкретные поступки в конкретных сферах деятельности.

Так, согласно данным социологических исследований, процесс политизации женского сознания в перестроечный период сменился разочарованием в политике, падением доверия ко всем партиям и политическим движениям. Если в 1990 г., по результатам опроса женского общественного мнения, участвовали в работе тех или иных партийных организаций или оказывали им поддержку 49% опрошенных, то в 1993 г. состояли в различных партиях не более 2—3% респонденток, а 85—87% из них заявили, что «ни в какую партию вступать не желают».

Массовое женское сознание не приемлет также идею существования, даже создания самостоятельных женских партий, хотя они уже возникли под различными наименованиями: «Политическое равенство», «Поиск радикальной женской инициативы», «Единая партия женщин», «Радикальная партия», «Женщины суверенной России». Все эти партии малочисленны, не имеют национальных политических лидеров, пользующихся известностью в стране и доверием среди женского населения.

Косвенные данные социологических опросов подводят к выводу о том, что для части женского социума более перспективен путь, доказавший свою жизнеспособность на опыте феминизма — развитие политической активности, становление гражданской позиции женщин через их участие в деятельности смешанных по полу политических партий.

Но большинство женского населения (как отмечалось выше) отключилось от политических партий всех без исключения ориентаций. Женщины, сохраняющие установку на участие в общественной деятельности, состоят в добровольных ассоциациях, движениях, союзах. Некогда единое женское движение СССР распалось на множество — до 300 — объединений, не имеющих открытой политической направленности: культурно-просветительные; благотворительные; коммерческие, предпринимательские; экономические; информационные; образовательные; профессиональные; религиозные; развлекательные. Каждое из объединений имеет свою ориентацию, свои принципы поведения и духовные ценности, широкую палитру целей и задач. Нет в этих разрозненных движениях общепризнанных лидеров. Женские ассоциации, союзы разобщены и в своем большинстве отчуждены от власти и политики. В итоге социальная активность россиянок стала деполитизированной и многовекторной. Тем самым сложилось еще одно направление исследований социогендерных отношений.

Женский электорат, женские лидеры и женская элита

Вплоть до начала перестройки (1985 г.) женский электорат социологи не выделяли из избирательного корпуса страны и специально не изучали. Первые работы, посвященные специфике женского электората, появились в связи с крупными кампаниями: выборы российского президента; общероссийский референдум в апреле 1993 г.; выборы в Федеральное собрание и референдум по новой Конституции [7].

В России избирательниц почти на 10 млн. больше, чем избирателей. Для политиков всех без исключения цветов и оттенков многочисленность женского электората — его привлекательная черта. Но женщин нелегко привлечь на свою сторону. Один из упорно повторяющихся результатов наших социологических опросов состоит в том, что не осталось и следа от сладкой эйфории тех сравнительно недавних лет, когда женщины верили в быстрое пришествие «царства» свободы, демократии, реального равноправия с мужчинами, материального благополучия. Как показывают исследования ВЦИОМ, в августе 1993 г. прогнозировали улучшение жизни лишь 4,3%, тогда как опасались ухудшения — 33,2% респондентов (мужчин и женщин) [8].

Защитить интересы женского населения в кампании по выборам в Федеральное собрание решили три неправительственные организации — Ассоциация женщин-предпринимателей, Союз женщин России, Союз женщин Военно-Морского флота, объединившиеся в ноябре 1993 г. в единый избирательный блок (политическое движение) «Женщины России». Это первый опыт (после выборов в Учредительное собрание в 1917 г., когда в избирательной борьбе участвовали «Лига равноправия женщин», «Женский союз помощи Родине») самостоятельного выдвижения и продвижения женским объединением своих кандидаток в депутаты высшего законодательного органа страны.

Однако отношение женского общественного мнения к движению «Женщины России» противоречивое. В Москве, например, 45% опрошенных научным коллективом «ГАЛСИ» женщин-экспертов полностью согласны с тем, что женские избирательные объединения должны самостоятельно участвовать в избирательных кампаниях, а не «вливаться» в другие партии, теряя свое лицо. 29% сомневаются в обоснованности такого шага, 17% посчитали его ошибочным [9].

Разброс женских мнений велик. Он отражает ускоряющийся процесс социального размежевания женщин, когда большинство живет в нищете или на грани нищеты, и из опрошенных горожанок только 3,1% считают себя высокооплачиваемыми и 0,3% — богатыми [10].

Учитывая расслоение женщин по социальным, политическим, профессиональным признакам, можно выделить несколько моделей женского электорального поведения.

Модель первая — аполитично-конформистская. Ее придерживается большинство избирательниц, которых, как правило, не интересуют программы политических партий, прогнозы политологов и социологов. Этих женщин не привлекает активная

политическая деятельность. Они осуждают конфронтацию партий и идей, любой ценой хотят «порядка и стабильности», поддерживают президентский режим в России. Социально-психологической основой этой электоральной модели является политический конформизм.

Модель вторая — политически ориентированная. Это единственный признак, объединяющий многоликую, разношерстную, противоречивую по своим политическим симпатиям группу россиянок. Так, по данным уже упоминавшегося опроса москвичек («Женщины и выборы», ноябрь 1993 г.) голосовать за кандидаток «Женщины России» предполагали 28% опрошенных, за кандидатов «Выбора России» — 21%, Коммунистической партии РФ и Социалистической партии трудящихся — по 8%, «Гражданского союза» — 7%, Партии экономической свободы — 6%, за Демократическую партию России — 4% и т.д. [11].

Преобладают среди этой части женского электората, с одной стороны — молодые, трудоспособные избирательницы в возрасте от 30 до 40 лет, с другой — женщины запенсионного возраста.

Модель третья — индифферентное поведение на выборах. Эта группа в силу своего безразличного отношения к политике и лидерам представляет резерв для всех партий и избирательных блоков независимо от их политических ориентаций.

Модель четвертая — абсентеистская. Ее придерживаются женщины, уклоняющиеся от участия в голосовании. Женский абсентеизм в России постперестроечного периода — явление массовое. Согласно нашей рабочей гипотезе, на референдум в апреле 1993 г. до 20 млн. женщин не пришли. В основе абсентеистского поведения — резкое падение уровня социального оптимизма и такая психологическая черта женского характера как фатализм, обрекающий на пассивность и бездействие.

Одна из причин многообразия моделей женского электорального поведения — неверие избирательниц женщинам — политическим лидерам («Последняя противница женской эмансипации есть сама женщина» [12]) — тонко подметил в своей известной книге Отто Вейнинггер.

У россиянок представления о лидере традиционно связаны с «сильным» мужчиной — волевым, решительным, представительным. Исследования научного коллектива «ГАЛСИ» показывают, что россиянки в большей мере, чем мужчины, сторонницы авторитарного стиля руководства на всех уровнях — от центра до мест, так как олицетворяют в нем «прочное правление», «порядок», «защиту слабым». Поддержкой женского электората в России пользуется преимущественно харизматический тип лидера, которому приписывают исключительные личные качества. А вот либеральное, компромиссное поведение руководителя нередко отождествляется в женском сознании с нерешительностью, безволием, слабостью.

А что касается женщин-лидеров, то к ним относится критически значительная часть женского населения. Поэтому их подготовка и выдвижение встречают в России трудности не только объективные, но и еще более — субъективные: неуверенность женщин в собственных силах, облегченное восприятие внушаемых извне взглядов и нетерпимое отношение к элементарной конкуренции. Эти факторы, в частности, объясняют, почему среди женщин преобладает воспитанный командно-административной системой авторитарный стиль лидерства.

Однако тенденция к персонализации власти наиболее полно проявляется не в женском, а в мужском политическом лидерстве. Объясняется это развитой у мужчин установкой на самоценность карьеры как неотъемлемого элемента личного самоутверждения. У женщин, согласно социологическим опросам, в шкале представлений о счастье на первом месте стоят дети, семья; на втором — устроенный быт, любовь, муж; на третьем — любимая работа и ее сочетание с семейными интересами; на четвертом — уверенность в себе и необходимость быть полезной людям; и лишь на пятом месте — карьера.

Лидер не одинок. На то он и лидер. И женщина-лидер связана с теми или иными женскими элитами, т.е. узкими, привилегированными по своему положению в

обществе группами женщин, оказывающими воздействие на социальные процессы, имеющими высокий социальный статус, политический, моральный и интеллектуальный престиж, придерживающимися определенной системы ценностных ориентаций.

В российской социологии изучение женских элит началось несколько лет назад [13]. В эволюции женских элит можно выделить следующие этапы: дореволюционный (буржуазно-демократический); доперестроечный (советский); перестроечный; постперестроечный. Каждый этап имеет свои особенности социальной структуры элит, их поведения.

На протяжении так называемой перестройки сохранялась старая — «номенклатурная» — женская политическая элита, представительницы которой занимали руководящие посты на средних этажах здания партийно-государственного аппарата. Образовалась под влиянием новой политической линии руководства КПСС и новая женская политическая элита. Она сохранила свою прежнюю корпоративность, личную преданность политическому лидеру, стремление к защите интересов женского населения.

В постперестроечный период женская политическая элита оказалась разобщенной, оторванной от женского населения, не располагающей организационными и информационными механизмами влияния на него. Претендентки в «элитарные дамы» в настоящее время не в состоянии не только получить должности в высших эшелонах власти, но часто даже сохранить значительные административные посты.

Согласно итогам социологических исследований в сфере экономики значительно быстрее, чем в политической жизни идет процесс становления и укрепления влияния женских «бизнес-элит». Это хозяйственные звенья низшего и среднего «рангов». В любом случае женская экономическая элита — неправящая, т.е. не принимающая участия в государственной системе управления.

Социологическое изучение женского политического лидерства и женских элит нуждается в комплексном подходе со стороны социологов и социальных психологов. Это все еще слаборазработанное направление социогендерных исследований.

Политика и экономика в жизни общества неотделимы друг от друга. Всегда считала (включая, разумеется, и эпоху безраздельного господства одной идеологии), что бесконечно затянувшийся спор о примате одного из двух жизнеутверждающих начал — бесплоден и догматичен. В действительности экономика и политика по своему значению и влиянию меняются местами, дополняют или мешают друг другу, спасают миллионы людей или губят их, утверждают мир или рождают войну. В чем «потаенный» смысл этих рассуждений?

Отвечу на возможный вопрос читателя. Социогендерные отношения в политической жизни России имеют свою экономическую основу (данный аспект проблемы не являлся предметом настоящей статьи). Эта основа — глубокий и ставший, к сожалению, хроническим социально-экономический кризис, переживаемый нашей страной. Всей своей тяжестью и в сфере производства, и в семье, и в быту он давит на хрупкие женские плечи. Упомяну лишь об инфляции, о регулярно-упорном снижении жизненного уровня народа, о преобладании женщин среди безработных (71,9%) [14], о неслыханном даже в послевоенные годы обострении жилищного вопроса, о введении непосильных для населения платных начал в здравоохранении и образовании, о духовном кризисе и эрозии нравственных ценностей, потрясающих общество.

Кто же диктует? Экономика — политике или политика — экономике? Увы, обе эти могущественные силы переплетены и трагически взаимодействуют, в том числе и в женской среде, словно находятся в нерасторжимом браке.

И последнее. Социологическое изучение социогендерных отношений предполагает проведение по этой тематике самостоятельных исследований. Они, к сожалению, немногочисленны. Вместе с тем научная работа в этой области затруднена отсут-

ствием систематической статистики по «женскому вопросу» и эмпирических данных результатов исследований по признаку пола. Этим грешит даже такое первоклассное, сугубо профессиональное издание, как информационный бюллетень Интерцентра и ВЦИОМ: «Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения».

А жаль. Ведь женская тема поистине неисчерпаема. «О женщинах всегда найдется сказать что-нибудь новое, пока хотя одна из них останется на земном шаре». Слова известного французского писателя и политика Станисласа Буффлера. Найдется ли смельчак, который решится возразить против этого мудрого признания?

ЛИТЕРАТУРА

1. Яновский Р.Г. Женщина и общество: социально-политический аспект // Социол. исслед. 1992. № 5; Чемберлен М.К. Развитие гендерных исследований в США // Там же; Мэгэри С. Женские исследования в Австралии // Там же; Лазарис К. Гендерные исследования в Средиземноморском районе // Там же; Роуз Х. Исследования женских проблем в Великобритании // Там же; Силласте Г. Гендерные исследования: размышления участника международного семинара // Там же. № 6.
2. Смелзер Н.Дж. Социология. Глава П. Сексуальные роли и неравенство // Там же. №8. С. 102.
3. Там же. С. 108.
4. Роуз Х. Исследования женских проблем в Великобритании // Там же. № 5. С. 56.
5. О выполнении в Российской Федерации Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Четвертый периодический доклад. М., 1993. С. 27.
6. Женщины и демократизация: общественное мнение женщин по актуальным социально-политическим вопросам / Под ред. Г. Силласте. М., 1991. С. 70; Силласте Г. Социальные последствия возможной легализации наркотиков в России // Безопасность, 1993. № 2. С. 56.
7. Силласте Г. Равноправие по мужски или демократия без женщин // Москвичка. 1991. № 11; Россиянки в лабиринте электората // Там же. 1993. № 35; За кем пойдут наши женщины? // Неделя, 1993. № 46, ноябрь; Сила и бессилие женского электората в России // Безопасность. 1993. № 10.
8. Интерцентр. ВЦИОМ. Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1993. Октябрь. №6. С. 23.
9. Аналитическая записка по итогам социологического исследования. «Женщины и выборы-93» (руководитель Г. Силласте). М., 1993. С. 3.
10. Силласте Г. Научный отчет по итогам социологического исследования «Социальные последствия возможной легализации наркотиков в России». М., 1992. С. 150—151.
11. Аналитическая записка «Женщины и выборы - 93». С. 4.
12. Вейнингер О. Пол и характер. М., 1992. С. 372.
13. Силласте Г. Женские элиты в России // Обществ, науки и современность. 1994. № 1.
14. О выполнении в Российской Федерации Конвенции о ликвидации... С. 5.